

Глава 8.

Перспективы человека: жизнь или прельщение усовершенствованием

У всякого человека много разных свойств. Наряду с историческими, на каком-то этапе возникающими, а потом исчезающими, есть неотъемлемые, без которых мы не имеем права говорить о его существовании. Как у индивида, так и у **Genus Homo** (родового человека). На языке традиционной метафизики, первые – акциденции, вторые – атрибуты. Одной из главных забот философской антропологии должно быть их различение по этим параметрам: что в человеке можно отдать случаю, времени и обстоятельствам, а что отстаивать как его природу, сущность, идентичность. Самоё его жизнь, бытие в мире. Прямо или косвенно с данной проблемой связано всё, что думали о человеке. Сейчас она обострилась, поскольку возможности воздействия на мир, его изменения и манипуляции им становятся почти безграничными, вплоть до манипуляции самим манипулятором. Человечество попало в западню свободы.

С ростом знания число желающих воспользоваться безграничными возможностями увеличивается. При этом воздействие на человека обычно рассматривается как открывающее перспективу его изменения «к лучшему», «совершенствования», сначала духовного, а потом, когда речь пошла и о телесности, «у-совершенствования». При их конвергенции и слиянии в итоге возникнет новый идеальный человек. «Венец природы» станет «венцом искусственного», неким Сверхчеловеком, всеведущим и всемогущим, практически Богом. Каким он будет, если (когда) мы прельстимся этим искушением, и постчеловек = сверхчеловек действительно возникнет? Как нам к нему относиться, а главное, как он будет относиться к нам? Хотя, быть может, никакого венца в виде Сверхчеловека не будет и процесс «улучшения» уйдёт в постчеловеческую = бесчеловеческую бесконечность.

Потребность в совершенствовании, по-видимому, атрибутивное свойство людского рода. Но она исторична. В мифические времена всё могло быть всем. В том числе человек. Ему добавляли или отнимали у него глаза, руки, ноги, он мог стать зверем, птицей, состарившись, прыгнуть в кипящую воду и омолодиться. Все эти кентавры, русалки, циклопы... С переходом к вере в Единого

Бога человек стал представляться существом неизменным, созданным по образу и подобию своего творца, а изменение выражалось в стремлении ему уподобиться, приблизиться к идеалу. Как растворение в Божестве, преимущественно в восточной культуре, или приобщение к Нему, «при-частие» с сохранением личности, в западной. Вплоть до телесного бессмертия, но на «том свете», не здесь. Единственный путь и задача здесь – духовное, нравственное совершенствование. Как *самосовершенствование*. Как духовная практика. Через очищение души, молитву, преодоление греховных помыслов, праведную, в соответствии с божественными заповедями, жизнь. Тело на «этом свете» совершенствовалось путём подчинения духу, служило ему, тело могли подвергать испытаниям, наказывать, но структурно и по составу оно остаётся неизменным. Милосердная казнь с заботой о судьбе человека в будущей жизни проводилась «без пролития крови»: сжигали или вешали. Всякое вмешательство в образ Бога, его «исправление», даже бритье бороды считается грехом.

С успехами естествознания, появлением теорий эволюции Вселенной и особенно живого на Земле, вопрос о завершённости человеческой природы ступшевывается. Общеизвестным становится представление, что всё меняется. На первый план выступают проблемы механизма перемен, их причин, особенностей различных форм. Эволюция – детерминированный процесс, она не имеет какой-либо высшей цели или идеала. Поневоле возникает мысль: если всё меняется, если человек исторически возник и сам всё более активно вмешивается в природные процессы, обрабатывая землю, превращая леса в поля, реки в моря, приручая и выводя новые породы животных, то почему бы то же самое не делать применительно к своей собственной «породе/природе»? И, конечно, делать это ради своего блага. Идея духовного возвышения, существующая почти или ровно столько, сколько существует человек как сознательное существо, начинает дополняться идеей его телесного улучшения.

Сначала поверхностного. В греческой Спарте, как известно, хилых, по мнению старейшин, детей сбрасывали в глубокую пропасть. В идеальном государстве Платона для получения подходящего потомства Правители устраивают праздники, на которых при образовании пар бросали жребий, но так, чтобы «лучшие мужчины соединялись с лучшими женщинами». Как это достига-

ется, держали в секрете, чтобы не нарушать спокойствие народа. У других язычников досрочно избавлялись от больных и стариков, уменьшая таким образом груз неполноценных форм жизни. Однако позже, в «тёмные» монотеистические времена так называемого Средневековья, практиковать, даже думать о подобном сознательном вмешательстве в воспроизводство рода, как и в индивидуальное тело, хотя бы и сугубо внешним под(от)бором, стало невозможно. Недопустимо. Соображения при создании семей, рождении детей и отношении к старикам были совсем иные. Всё отдавалось «в руки Бога». Также не предполагалось, не мыслилось, несмотря на активизацию Разума, какое-то коренное изменение природы человека в Новое время. Хотя во вмешательстве в индивидуальное тело были достигнуты значительные успехи, они ограничивались медицинскими задачами по его исцелению, приведению в «нормальное», полно-ценное, т. е. данное Богом/природой состояние. В целом можно сказать, что с точки зрения телесного усовершенствования и древние времена, и две тысячи лет нашей цивилизации прошли «даром». Люди до сих пор ограничива/ли/ют свои задачи совершенствованием.

Даже у фантастов живущие в будущем существа, если они странные, необычные, то на других планетах, а земляне сохраняют свой облик. В знаменитой «Машине времени» (1905) Г.Уэллса «элои» – эти изнеженные, измельчавшие, с умом пятилетнего ребенка представители высших классов – сохраняют вид человека. Работающие в подземных туннелях «морлоки» – своего рода пролетарии; их тела и лица грубы, но тоже традиционны. В другом его романе «Люди как Боги» (1923) изображены люди, сохранившие свой телесный облик, хотя представляющие уже некую высшую расу, сознательно переделывающие весь окружающий животный и растительный мир, приспособливая его к своим потребностям. В отношении себя «утопиане рассказывали об евгенических начинаниях, о новых, уже верных, приёмах при подборе родителей, об успехах науки о наследственности. И сравнивая ясную, сильную красоту лиц и тел всех утопиан с небрежной комбинацией черт лица и непропорциональным строением тела его земных товарищей, мистер Барнстейпл понял, что, обогнав людей Земли всего на каких-нибудь три тысячи лет, они стали уже новой, отличной от нашей, породой людей»¹²⁴.

Как видим, к началу XX в. евгенические идеи Ф.Гальтона становятся популярными. Но что это за селекция, что за усовершенствования? Весьма мягкие «акциденции», не затрагивающие строение человека. Изменяется «порода», но не природа. Посредством «комбинации родителей» без вмешательства во внутренние процессы наследственности. Это линия, связанная с представлением, что телесность и духовные свойства людей, индивидов, зависят прежде всего от внешнего окружения. Как представители того или иного вида, они обладают определёнными качествами, но внутри себя – одинаковые, т. е. как бы бескачественные. *Tabula rasa*, чистая доска, на которой можно писать нужные «тексты», задавая соответствующее поведение. Это линия Дж.Локка, впоследствии в той или иной форме она воспроизводится в бихевиоризме, лысенкоизме, феминизме. «У нас, в Советском Союзе, люди не рождаются, они делаются», – говорил Т.Д.Лысенко. «Женщинами не рождаются, ими становятся», – повторяет ту же идею Симона де Бовуар. Но всё определяется «подбором», «воспитанием», «воздействием среды», «укоренившимися социальными стереотипами», которые и надо менять для получения желаемых качеств. Собственно говоря, это вершина представлений о возможностях человечества влиять на самого себя, достигнутая им, пока он жил в макром мире.

В середине XX в. в истории человечества произошла Великая Революция (Переворот, Разрыв, Трансформация), которую теперь, оглядываясь назад, следует назвать постчеловеческой. Её можно сравнить с неолитической, а может быть, и с самим возникновением человека, если он исчезнет. Суть происшедшего разрыва с предшествующими веками в том, что в своей деятельности люди вышли за пределы предметной реальности, её измерений, адекватных их органам чувств и бинарному смысловому мышлению. Разделив до тех пор неделимые частицы вещества, атомы, они проникли в микро- и мегамиры, стали действовать в средах, где нет жизни. Сами там жить не могут, но «орудуют», приводя энергии мега- и микрокосма на Землю, внедряя это новое бытие в свой быт. Окружающий мир перестал быть равным их дому. Сам дом становится всё более искусственным, техническим, отчуждённым от чувственной природы человека: вместо стен – экраны, вместо жизненных, предметных событий – так на-

зываемые медиафакты и информация. «Константная» реальность вытесняется, замещается порождённой, виртуальной, обретающей собственные законы развития.

Наконец, хотя по времени параллельно, они проникли в механизм самой жизни, способов её воспроизводства и распространения. Они вторглись в её святая святых – наследственность. Генетика, возникнув в начале XX в., несмотря на сопротивление классической биологии, неуклонно развивалась и пришла к прочтению генома человека, что открыло возможность воздействия на его индивидуальное и родовое состояние, после и вследствие чего начал создаваться инструментарий такого воздействия, геновая инженерия и в целом биотехнология, разрабатываться методы изменения жизни, вмешательства в её формы. Ящик Пандоры, приоткрытый, когда делались попытки евгенического воздействия на наследственность, затем под влиянием опасных социальных тенденций временно закрытый, с прочтением генома и развитием инфо-, нано- и биотехнологий был открыт полностью. Проекты вмешательства в природу человека обсуждаются как желанная цель – любые, хотя обычно с дежурной оговоркой «о предосторожности». Евгеника теперь представляется их детством, а прежние социальные опасения отбрасываются одно за другим как «предрассудки». Призывы к совершенству превратились в призывы к усовершенствованию. Всё громче и громче провозглашается мировоззрение, утверждающее, что сущий человек – это не исключение из других форм бытия и не уникальное явление на Земле, к тому же он плох, «не завершён», «неудача эволюции», его можно и надо улучшать. Деконструировать, реконструировать, конструировать. Вот последние донесения с фронтов прогресса: «С развитием конвергирующих (NBIC) технологий понятие *human enhancement* – улучшения природы человека технологическими средствами – обретает в последнее время статус чуть ли не общепризнанного проекта. Об этом говорит недавно прошедшая международная конференция Общества Философии Техники (SPT 2009): “Конвергирующие технологии, изменяющие общества”»¹²⁵. Улучшать вплоть до замены постчеловеком, «трансхьюманами», люденами и т. п. Уверяют, что в «расчеловечивании человека» нет ничего плохого, да, собственно говоря, в смерти тоже. На мировоззренческую сцену вышел и всё активнее на ней играет, ставя спектакли нового, невиданного и ещё

недавно немыслимого содержания, трансгуманизм. *Транс* (через, сквозь, после) гуманизм. И не сквозь гуманизм как мировоззрение, а через гоманизм как жизнь родового человека. После Genus Homo. *Пост(транс)человек*. В его создании участвуют и ему аплодируют всё больше «расчеловечивающихся» зрителей. В то время как залы гуманизма и антропологии пустеют...

Есть веские основания считать, что в русскоязычной литературе философская антропология достигла пика своего развития в работах И.Т.Фролова. В них же она начала внутренне разрушаться. Оценивая его деятельность в целом, для тех, кто помнит или решается знать марксизм, работу Ф.Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», можно предложить парافраз: «И.Т.Фролов и конец классической философской антропологии». Общепризнана его роль в мировоззренческом преодолении наследия лысенкоизма и пропаганде генетики в Советском Союзе. Парадокс истории в том, что результаты этой борьбы оказались противоположны её целям. И шла она в превратной форме. Пафос лысенкоизма вместе с соответствующей трактовкой марксизма состоял в раскрытии возможностей преобразования природы и человека, что коррелировало с задачами перевоспитания существующей и формирования новой социалистической личности. Для этого в своей сущности человек должен представляться существом социальным, лишённым каких-то неизменных наследственных признаков, какой-то «природы», на которой настаивала генетика. Таким образом, сторонники генетики представляли защитниками природного, консерваторами, а «социологизаторы» – новаторами и прогрессистами, его «улучшателями», опасными экспериментаторами и манипуляторами. Но это улучшение предполагалось в рамках «совершенствования», изменения духовных свойств личности, а телесно – её акциденций. Евгеника ими от/по/рицалась. Генетика же, первоначально подчёркивая значение биологического в человеке, его родовую устойчивость, довольно быстро стала делать акцент на возможностях целенаправленного изменения этой природы, сначала по медицинским соображениям, а потом как «позитивная», на стадии биотехнологий, выступать с предложениями её усовершенствования, вплоть до изменения атрибутивных качеств человека, самой его идентичности. Подобные тенденции, такая направленность воздействия на людей уже выходят за пределы тра-

диционных религий и идеалов гуманизма, пусть «нового», «реального», который предлагал и разрабатывал И.Т.Фролов, считая, что «человек будущего – это целостная всесторонне развитая личность, воплощающая идеал его духовного и физического совершенства»¹²⁶. В рамках классической философской антропологии остаются и его известные итоговые представления о перспективах человечества: «Приоритет человека и новый (реальный) гуманизм – так, я думаю, можно обозначить духовную парадигму, идеологию и политику XXI века»¹²⁷. Увы, во всё это теперь вряд ли кто верит. В последние годы было явственно видно, как он пытается защитить человека от тех достижений генетики, которые пропагандировал и защищал раньше, когда они ещё не были превращены в технологии. Начал говорить не столько о возможностях, сколько об их опасности, призывал к сдержанности, уповая на мораль, на изменение этоса науки. Решался на повторение антиисциентистского призыва «перестать размахивать флагом Галилея». Он не предполагал, что «век человека» так стремительно и агрессивно трансформируется в «век постчеловека». Настолько, что среди людей возникнут движения, прямо направленные на своё изменение вплоть до превращения в нелюдей. Развитие науки, особенно наглядно генетики, подтвердило трагическую диалектику истории поистине коварным образом, не исключая теоретическую, а во многом и жизненную судьбу самого автора книги «Генетика и диалектика».

В какое время мы живём! Практическое вытеснение человека из своего жизненного мира, его превращение из субъекта деятельности в фактор и агента подошло к порогу его ликвидации как уникальной формы жизни. Отказа от самого себя. Самоуничтожения. Этот процесс приобрёл теоретически артикулированное выражение, своих носителей и адептов. Среди людей. Хотя, разумеется, непосредственно думать об отказе от себя и призывать к этому решаются не все, пока меньшинство. Его массовизация требует маскировки, выработки специфической идеологии, соответствующего ложного сознания. Кроме ссылок на необходимость, неизбежность, обусловленность объективными законами развития, уповают на некое Благо, которое будет достигаться, или на то, что своей смертью человек послужит чему-то по отношению к нему высшему, конкретнее говоря, Высшему Разуму, что с точки зрения интересов дальнейшего прогресса тоже благо. Нельзя призывать

людей к худшему! Это должно быть непременно лучшее в сравнении с бывшим и существующим, хотя бы таким бывшим или существующим являются сами люди. Не призывы к уничтожению людского рода, чему в истории человеческой мысли не было прецедента, и не его сохранение и совершенствование, к чему люди всегда стремились, а именно его у-лучшение, у-совершенствование. Хотя бы это был пост(транс)человек – тогда *дальнейшее = бесконечное улучшение и усовершенствование*. Такова теперь цель «онаученного человечества». Техногенная. Идея усовершенствования стала исходной формой ложного сознания = соблазна = искушения = прельщения, оправдывающего манипуляции атрибутивными свойствами = сущностью = идентичностью = «природой» человека, т. е. существованием, возможности для которого открылись в связи с последними достижениями технoнауки.

На наше обвинение прогрессистского сознания, что в борьбе с человеком оно не называет вещи своими именами, могут возразить, указав на структурализм и постструктурализм, идеологию постмодернизма. Там вполне определённо, без экивоков, «честно» рассуждают о смерти человека. «Смерть человека» почти его лозунг, брэнд. Но это всё-таки теоретические построения. Подобно тому, как отказ Канта от природы, её признание вещью-в-себе не означали отрицания её существования как таковой и были гносеологическими, так структурализм, растворяя человека в структурах, не отвергал возможность его наличного бытия. Постмодернизм, растворяя автора, субъекта, человека в языке, тексте, письме, тоже не отвергает возможность его наличного бытия. Хотя, конечно, здесь не просто гносеология и методология, это мировоззрение, однако оно как бы абстрагируется от онтологии, оставляя автора, субъекта, человека в стороне, живым. Просто оно ими не занимается. «Кроме языка, текста, письма ничего нет» – это для «дискурса», «практического», но всё-таки мышления. В виртуально-компьютерном мире человек действительно умер: известные лозунги анти-тео-онто-фоно-фалло-логоцентризма (против Бога, природы, эмпирии, телесности, смысла), тело без пространства на экране, тело без органов перед экранами (скоро). А вне его, возможно, «пусть живёт». Столько, сколько будет существовать сам реальный мир. Проблемы совершенства или усовершенствования остающегося сущего в нём человека постмодернизм не волнуют.

Исторически первым, значимым проектом принципиального улучшения человека в русской культуре надо, по-видимому, признать учение Н.Федорова, а в дальнейшем идеи В.И.Вернадского, К.Э.Циолковского в русле т. наз. русского космизма. Они достаточно хорошо известны, и если воскрешение (из) мёртвых до сих пор представляется утопией, хотя всё более реалистической, то автотрофное питание уже в начале XX в. брало начало в весьма близких тенденциях выхода технаучки в космос. Их авторы искренне верили, что будет «автотрофный человек», хотя не надо сильно напрягать воображение, чтобы впасть в замешательство по поводу облика и состояния такого человека. Для питания путём «ассимиляции солнечных лучей» и использования «земной электро-химической энергии» не надо ни рта, ни живота (живот, по-старому – жизнь), ни других органов тела и вообще «тела». Человек без тела – человек? Даже отрезанная «голова профессора Доуэлла» слишком телесна для питания лучами. И если до пост-человеческой революции о подобном «вещественном существе» было оправданно думать гадательно, то сейчас, когда автотрофно питающиеся роботы с силиконовым интеллектом вокруг нас, рассуждать об автотрофной белковой жизни значит заниматься сознательно-бессознательной дезориентацией, запутыванием всей этой проблемы. Вместо того, чтобы беспокоиться, как человеку жить вместе со своим созданием в виде входящего в мир нового технического (автотрофного) разума, мучительно размышляя и драматически обсуждая вопрос их сосуществования, коэволюции, пропагандируют однообразную ложь и под видом серьёзного рассмотрения антропологических проблем годами с серьёзным видом предаются лицемерию.

Наряду с идеями общей автотрофности, разрозненным, многообразным, вариативным потоком идут предложения по усовершенствованию тех или иных органов человека, его наделению дополнительными возможностями. Будут люди с гибкими пластичны/ковы/ми руками, металлокерамическим скелетом и ногами, инфракрасным зрением, ультразвуковым слухом, органами продолжения рода необычного размера и его/их расположению в другом месте тела, например, под мышкой, вживлению одного, двух, многих чипов под кожу или прямо в мозг, кентавры, созданные на генном уровне или с помощью операций и т. д., и т. п. Не говоря о том,

что можно проводить зачатие в пробирке, заказывать или менять пол, что всюю делается, пересаживать, заменять искусственными внутренние органы, заказывать рост, цвет глаз, вообще тип тела, мужчины могут рожать, следящие за модой женщины отращивать усы, «люди-оно», трансвеститы ходят по улицам и т. д., и т. п. За генетически модифицированными растениями, продуктами питания готовы модифицировать и de facto модифицируют животных, а на передовых рубежах биотехнологии отрабатываются методы клонирования и модификации людей. Не говоря о том, что их сознание можно, переписав на диски, «архивировать» или отправить путешествовать по Сети, в результате чего они обретут способность усваивать несравненно бóльшие, нежели сейчас, объёмы информации и перемещаться в пространстве со скоростью света и т. д., и т. п., читайте, слушайте, скачивайте восторженные сообщения о новациях, инновациях, гаджетах, вообще достижениях форсайт-технологий в лабораториях, экспериментальных центрах и технопарках. С божественным/природным творением вооружённые технонаукой люди готовятся творить и творят что угодно. Сами с собой. Изменяться, совершенствоваться = у-совершенствоваться эти искусственные биотехногенные создания будут, естественно, со скоростью смены технологических поколений. Как сейчас компьютеры. Перспективы человека (?), от котор/ого/ых захватывает дух.

Но по-разному. У одних от радости и восхищения практически безграничными возможностями манипуляции, у других – от страха и жалости к нынешнему «ветхому Адаму». К первому отряду относятся узкоспециализированные технократы, талантливые и одновременно бездумные творцы и носители этих достижений, по роду своей профессиональной деятельности ставшие почти жителями искусственного мира. Ко второму – разного рода живые люди, консерваторы, гуманисты, «классики» с превалированием чувственного и художественного восприятия мира, апологеты сохранения окружающей природы и природы человека. При этом, если первый отряд непрерывно пополняется новыми сторонниками, то ряды второго редеют. Основным аргументом в пользу искушения человека бегством от самого себя является апелляция к объективному ходу событий, к «прогрессу». Прямо по Гегелю: если «всё действительное разумно», значит, делается вывод, «это хорошо». Сущее не рассматривается в своей противоречивой или хотя бы амбивалент-

ной ипостаси, и, отбрасывая всякие представления о должном, его автоматически отождествляют с добром. В подобном качестве разум человека по мере расхождения со своей природой становится носителем самоотрицания, начинает работать против человека. Ad absurdum. Появляются «дезертиры жизни», мыслящие, но «не в своём уме», которых всё больше. Жить без чувств, без детей и любви, механичным и полумертвым вот-вот будет модно. Феномен «ложного сознания» обуславливается теперь не столько классовым положением людей, как объяснял К.Маркс, сколько их общим положением в мире, который становится постчеловеческим. И казалось бы, очевидная трагичность происходящего отказа от собственной природы, разрушение атрибутов идентичности, что составляет реальное содержание «антропологической катастрофы», «апокалипсиса», «конца света», о чём не случайно, но мимоходом, обывательски, тоже говорят, предстаёт теперь процессом движения к высшему благу. Смерть выдаётся за некую «Новую жизнь». Или «Нового человека».

Предельной обобщающей ценностью в иерархии благ, которые проистекают из «усовершенствования людей», (об)является бессмертие. Это главное прельщение и прикрытие трагизма их начавшегося технического перерождения. Но даже если отвлечься от факта, что жизнь существует через смерть, а вид через смену индивидов (*More creator vitae est*), согласившись с возможностью бессмертия, мы сразу сталкиваемся с тем, что это будет намеренно другое существо, или «вещество-техщество». *Другой природы*. Без души, без наших надежд, страхов, радостей и смыслов, у него будет иное отношение к своему Я; да и что такое Я, которое существует вне времени? Оно и мыслить будет совершенно по-другому, или субъектного сознания не будет вообще. Это полная потеря идентичности *Homo vitae sapiens* и его превращение в роботобразное, у которого ничего человеческого не останется. Если это «жизнь в Сетях», то для неё не нужны ни размножение, ни пища, ни воздух. Эмоции, «привычки жизни» не нужны, потребностей, чувств и влечений нет. Говорят, что человек будет их «помнить». Но зачем, где мотивы их иметь и сколько будут помнить, даже если захотят? Тогда зачем маскироваться под человека, к тому же ограниченного по способностям к мышлению и вычислению или по количеству рук, ног, а может быть, колес. Это «оно» будет стреми-

тельно (у)совершенствоваться вслед за сменами технологий, поколение за поколением уходя в техно-нано-виртуально-космическую даль. В дурную цепь перемен, не зная, на чём остановиться. Все разговоры, идеи и проекты бессмертия при намерении сохранить этого, данного «нас-человека» – пустая благо/зло/намеренная демагогия, предназначенная для самообмана и обмана насчёт положения, в котором мы в настоящее время находимся и куда идем. Миф бессмертия – самый великий и страшный миф нашего времени, потому что, поставленный на практико-техническую почву, он превратился в смертоносный, в отличие от жизнеутверждающих мифов старых веков.

Но вот, наконец, настоящий, «жесткий трансгуманизм», провозглашающий, что никакого человека больше не будет, он уже не нужен. Вместо него будут людены или нелюди, т. е. некие принципиально новые формы разума, соответствующие искусственной среде, ноотехносфере. Вырастая из разговоров об усовершенствовании человека, фактом своего появления трансгуманизм их полностью дезавуирует, раскрывая всю предыдущую фальшь. Его последовательные адепты больше не хотят быть людьми, хотя бы и усовершенствованными, не связывают себя никакими телесными человекообразными ограничениями. «Трансгуманисты хотят “не остаться людьми”, а наоборот – перестать ими быть, став более совершенными существами, т. е. “трансхьюманами”, или же нелюдями. Трансгуманисты считают, что мы живём в эпоху переходного этапа от обычного человека к постчеловеку...»¹²⁸. Расчеловечивание, таким образом, завершается окончательным успехом, людоделы становятся людоедами, после чего собственно человеческий разум, если и останется, то как один из видов разума, далеко не самый сильный и не высший в сравнении с искусственным интеллектом. Человек «уйдёт в машину», это будет его «позитивная смерть» как некая новая форма существования. Не человека, а разума. Умирая, люди обессмертят себя не в своём, а созданном ими разуме. Подобную, называемую «позитивной» смерть можно считать также и бессмертием (кому как нравится). «Смерть позитивная – уже не смерть, – прельщает ещё живых людей российский «аналитический антрополог» В.Подорога, – это просто практика исчезновения в том, что есть твоё существование в широком смысле и в силу этого – бессмертие, которое обрета-

ет характер повседневного чувства»¹²⁹. Умираем, нелюди – но всё равно позитив, «к лучшему». Готфрид Лейбниц бы порадовался: несмотря ни на что, действительно, «всё к лучшему в этом лучшем из миров», благодаря чему мы не будем знать, когда нас не будет.

С учетом появления наряду с мышлением человека его (предполагается, превосходящего) машинного аналога, антропология преобразуется в гуманологию как «науку о трансформациях человеческого в процессе создания искусственных форм жизни и разума» (Г.Л.Тулчинский), помещающую человека в единый ряд не только внеразумных форм жизни, но и внебиологических форм разума. Теперь он элемент более общей линии прогресса разума, «один из» в ряду животных, гуманоидов, киберорганизмов, роботов. Отсюда следует, что антропология – частный случай гуманологической (правильнее надо бы говорить *номологической* или *ноологической*, если это вид разума) парадигмы. Представление о человеке как образе Бога (религиозное сознание), самоценном существе (гуманизм), что он «всегда цель и никогда средство» (Кант), а также накопленное в антропологии знание о человеке, когда она была самостоятельной дисциплиной, отправляется в архив исторических заблуждений. Так происходит перверсия базовых ценностей нашего мира, теоретическое обоснование самоотрицания Homo sapiens и его замены некими высшими сущ-вещ-вами с техногенным мышлением, когда «созданные человеческим интеллектом механизмы и компьютерные системы выйдут на передний край эволюции разума и поведут за собой всё более отстающих (а иногда и упирающихся) человек»¹³⁰. (Упирающихся (!), типа нас-человеков, в данной статье. – В.К.) Так формируется, со всеми её типичными приёмами превратного сознания, идеология великой в своей антигуманистической чудовищности Постчеловеческой Революции. Мировоззрение смерти Genus Homo.

Итак, вместо человека – его ушедший в машину разум. Будет ли он ещё человеческим, если да, то как долго? Для не «перезагруженных» желанием обмануть себя и других, очевидно, что нет, что вслед за смертью телесного человека умрёт и его разум, и тут не надо сложных доказательств. Оторванный от какой-либо почвы, бродящий в сетях «архивированный квант», капля в океане информации – причём тут человек? Онтологически это виртуальный узел, агент коммуникации, пересечение функциональных

отношений. А вот можно ли его тогда считать разумом, будет ли он вообще таковым? То есть будет ли обладать пусть постчеловеческой, нечеловеческой, но субъектностью, т. е. выделенностью и рефлексией как атрибутивным свойством, отличающим сознание, мысль от предлежащего им остального объективного мира?

Логика дальнейшего развития, универсализации покинувшего человека разума и превращения в Сверхразум ведёт его к растворению в творимой им инореальности, слиянии с ней. Это будут просто законы существования нового мира. Их идеальная «сущность». Неслучайно в постчеловеческой персоно/гуманологии пошли разговоры о возможности топологической версии разума, т. е. без конкретного носителя, когда разумным будет всё окружающее пространство. Сначала речь шла о «социальном», а потом вообще о «пространстве», «ландшафте», а может – гадают – это будет «космическое облако», «мыслящая материя», «галактические информационные поля»¹³¹ и т. п., что-то вроде распластанного по поверхности планеты мыслящего Океана в романе Станислава Лема «Солярис». И прогресс, к временной бесконечности которого апеллировали, объясняя, почему человек обязательно должен исчезнуть, вдруг кончается. Вечностью информации. Закончим и мы, чтобы не впасть в футурологические фантазии, анализ наиболее распространённых идей у-совершенствования человека (*human enhancement*). Выводом, что все они им жертвуют, предают, бросая под колеса однонаправленного прогрессистского эволюционизма. Что это рефлекс, а не рефлексия происходящих событий. Целые социальные философско-научные направления заняты тем, как теоретически более удачно обмануть себя и общество насчет сути и смысла начавшегося практического отрицания человека, его замены чем-то иным. В так называемом «обществе знания» культивируется «незнание», точнее, *непонимание*. Тупая, праздная учёность, бессмысленная «знательность», хаотизация сознания. *Идеология, а не философия, искушают и прельщают, соблазняют и запутывают других и себя вместо того, чтобы пытаться думать и говорить правду, заботясь о его Благе.*

Должна ли к ним присоединяться философская антропология, и вообще какой она может быть в этих условиях? Представляется, что значительное число её представителей пойдёт, да фактически уже идёт по пути перерождения, превращаясь в гуманитариев,

персонологов и других трансгуманистов. Они видят свою теоретическую роль в пересказе последних технологических достижений: кто знает больше, если из первых рук, кто слышал больше, когда из вторых. И не больше. Это научно-редукционистско-эволюционистская линия обрыва антропологии, её «закрытия» в любой разновидности. Она органична постчеловеческим тенденциям современного мира, которые автоматически отражает. К счастью, в мире, конечно, есть, остаются и другие силы, интересы, тенденции и течения. Прежде всего – выживания человека, его сопротивления трансгрессу в иное. Эволюция жизни привела к человеку, но это не привело к вымиранию всего, что до него было. Даже если (поверим на момент трансгуманистам) биоэволюция с неизбежностью должна перерасти в техноэволюцию, это не значит, что жизнь – в т. ч. в её высшей, разумной форме – прекратится. Хотя за её сохранение, коэволюцию с постжизненными формами надо бороться. Философская антропология будет служить человеку, если останется собственно философской, т. е. учением о мире с точки зрения бытия самого человека, его самоценности. Или философско-религиозной, то есть учением о мире с точки зрения божественного происхождения людей, их вечности в Боге. Что касается философско-научной антропологии, то в качестве антропологии она тоже возможна, однако при условии, что будет опираться на научные направления, в которых рациональность не отождествляется с редукционизмом, детерминизмом и когнитивизмом.

Спиноза говорил, что каждое сущее хочет быть тем, что оно есть по своей природе: камень хочет оставаться камнем, лев быть львом. Мы можем добавить, что человек, чьё сознание не похищено силами постчеловеческого мира, хочет оставаться человеком. Мировоззренчески эта установка выражается в консерватизме, при котором развитие понимается как изменение с сохранением динамического равновесия или, другими словами, как устойчивое. Устойчивое развитие под давлением бездумной ин/на/новационной истерии, в которую впало потребительское общество, начали толковать превратным образом: как непрерывное и всё ускоряющееся. Но если понятиям придавать ответственный смысл, то устойчивость «по определению» связана с сохранением, т. е. консерватизмом. Консерватизм и устойчивость означают, что, развиваясь, любая система, вещь, сингулярность удерживаются в бытии,

в отличие от идеологии новационизма, когда всё существует для того, чтобы скорее исчезнуть, заменившись чем-то другим, новым, потом ещё более новым и т. д., в дурную бесконечность... Без образа и образца.

Консервативное философствование опирается на полионтическое представление о сущем, признание множественности возможных миров и принципиальной значимости *нашей реализации* одного из них. Это своеобразная ценностная трактовка антропного принципа и птолемеевского геоцентризма, которая является точкой отсчета при оценке всех остальных форм бытия. Человек на Земле – высшая форма существования, потому что мы её представляем, от имени её мыслим и теоретизируем. Это не центр, а *акме* бытия. Лейбниц прав: мы живем в лучшем из миров, и не прав: в нём не всё к лучшему. В множественной Вселенной нет какого-то объективно привилегированного центра, универсально конечной, абсолютной цели развития. Отсюда логически вытекают отказ от идеи усовершенствования человека и ориентация на его совершенствование. «We have no serious alternative than to be perfect» («У нас нет серьёзной альтернативы тому, чтобы быть совершенными»); в более вольном переводе: «У нас нет другого выхода, как быть совершенными», – такую надпись я видел на майке молодого человека в московском метро. В метро – важнее, нежели знать, в какой книге и каким знаменитым «скриптором» она была написана. Её можно считать девизом консервативного акмеологического философствования.

Под акме в таком случае понимается не просто «состояние личности, характеризующееся зрелостью её развития и достижением высоких показателей в деятельности», а установка на раскрытие и изживание всех присущих той или иной сингулярности уникальных для неё свойств. Из психологии индивида это понятие переносится на человека как родовое существо и шире на мир в целом, включается в парадигму выживания человеческого рода в техногенной реальности. В утверждении её, чтобы снять у читателя впечатление об авторе как зарвавшемся философском провинциале из России, сошлемся на признанный мировой авторитет. «Любой род как таковой совершенен. Человеческий род совершенен, и он противится какому бы то ни было его усовершенствованию. Он плох, но он совершенен; взятый в его уникальности,

он бесподобен. Конечно, здесь возникает определённая проблема: настаивая на совершенстве родов, мы рискуем впасть в креационизм, согласно которому всё имеет место по милости Божьей, всё неизменно и т. д.! Опасность возвращения к мифологическому восприятию вещей действительно существует, однако ориентация на исторический и ментальный эволюционизм не менее опасна...

Необходимо сохранять уникальный голос каждой детали, каждого фрагмента, каждого рода и освобождать их тем самым от гнёта конечного предназначения!»¹³²

Ближайшим к консерватизму и акмеологии феноменом, поддерживающим философскую антропологию, может стать эстетическое сознание. Особенно если брать его не в привычно узком смысле слова, как учение о прекрасном, а онтологически. Особенность эстетической онтологии в том, что, в отличие от прогрессистского рационализма, она обосновывает право людей на будущее «бесполезное» бытие в тотально технизированном мире. Бесплезное – по праву существования любых форм и сингулярностей как таковых. Концепт эстетизма меняет установку на явления, предлагая их оценивать не с позиции эффективности, а с позиции «таковости», «дара», подобно бытию в целом. Мы лишний раз убеждаемся в пророческой проицательности Ницше: «Мир и человек имеют единственное объяснение, единственный смысл как эстетический феномен». Подчёркивание самоценности любой формы бытия, эстетизация жизнедеятельности людей оставляет им перед угрозой исполнения её машинами нишу для существования. *«Кот не перестаёт ловить мышей даже после изобретения мышеловки».*

Если он хочет жить и правильно воспитывается.

Мы согласны с неким римским папой, который на искушение предложением «улучшить» христианский символ веры ответил: «Или мы останемся, какие есть, или нас не будет». Суть/щ/носно говоря, это *credo* выживания всего человечества.